

Заветы Пушкина

Riigiraamatukogu

№

Зачинатель Пушкин или завершитель? Было бы противно очевидности отрицать, что он завершитель: в него влились все реки и ручьи предшествовавшей ему русской словесности, и в его лоне их струи очистились от мутных примесей.

Но есть завершители и завершители. Иных завершителей можно уподобить тупикам, столь памятным каждому москвичу: если нужно идти дальше, то сперва воротись и затем уж иди снова вперед, хоть и по соседству, но другою дорогою. И будь Пушкин таким завершителем, смотри он только назад, не пришлось бы и говорить о пушкинских заветах.

Пушкин завершитель, но и зачинатель. От него расходятся все прямые и окольные дороги позднейшей русской литературы, ни одна из них не минует его. Возьмите моток пряжи и завяжите его узлом: моток наша изящная литература, узел — Пушкин.

Пушкин, как и всякий большой художник, двулик. Одно лицо его смотрит в прошлое, а другое в будущее, к нам и дальше нас. Прошедшее оправдано Пушкиным, так как он выявил, что в этом прошлом было непреходящего. А будущее оправдало Пушкина, так как он и в будущем не стал прошедшим, остался настоящим, существенно нужным.

Пушкин говорит нам сейчас, и заветы его становятся для нас

все слышнее, все внятнее, и — что особенно примечательно — заветы эти широким током переливаются за край литературы.

Собственно литературные заветы Пушкина таковы: будь прост и понятен; будь содержателен, но не гонись непременно за значительным содержанием; прилежно учись владеть безупречно языком и стихом, но уметь скрыть черновую работу. Когда то наивно считали, что Пушкин писал, как птица поет: так уж ему было дано; но теперь знают, что блеск пушкинского мастерства явился итогом сознательно поставленной и большим трудом преодоленной задачи из слова — гранита, тяжелого, косящего, сделать слово — мрамор, нечто как бы лишенное тяжести...

Пушкин дал русскому языку и стиху чеканку высокой художественности; даже удивительно, что за истекшее столетие русский литературный язык так мало ушел от пушкинского, и что русский стих после Пушкина был более полувека почти недвижим...

Пушкин не конечная точка развития русской литературы, но оно идет через Пушкина: не случайно и в Бунине, и в Блоке, и в Есенине, ни в чем друг на друга не похожих, чувствуется — в разной, разумеется, степени, — некоторый возврат к Пушкину.

Кроме литературных, Пушкин оставил нам и общечеловеческие заветы: общественно-воспитатель-

ное значение его не подлежит сомнению. Он исключительный по силе учитель и воспитатель. Буйное увлечение ранней молодости, хмель ударявшее ему в голову, не долго опьяняло его и доходившими до революционной напряженности „вольнолюбивыми мечтами“, и легкомысленным желанием изящного кощунства, и эротическим влечением к женщинам. Духовное лето наступило у Пушкина скоро, но в дождливую осень так и не перешло.

Какие же общественные заветы оставил нам Пушкин?

Попытаемся наметить хоть некоторые из наиболее насущных.

На первом месте должен быть поставлен завет Пушкина ценить свою государственность.

До конца своих дней Пушкин высоко ставил свободу личности и человеческое достоинство; он не закрывал глаз на теневые стороны русского прошлого и настоящего, но вместе с тем, перешагнув за порог своей „изменчивой весны“, созрев духовно, Пушкин уже „не презирал страны родной“ и верил в ее предназначенье.

Государственность же в Пушкинском восприятии была не тюрьма для личности, а крыша над головою, уют домашнего очага, одно из условий, существенно необходимых для того, что бы личность была свободна и не посягала на свободу других.

Пушкин по достоинству ценил „пружины смелые гражданственности новой“, и в его глазах верховный правитель оправдан, лишь поскольку „сеет просвещение“, „нравы укрощает наукой“, „правдой привлекает сердца“, поскольку, по меньшей мере, „бодро и честно

правит“, поскольку все еще есть „надежда славы и добра“. Мы теперь, пожалуй, уже все понимаем настоятельность искусного сочетания прав личности и общества с государственною устойчивостью, но Пушкин это знал за столетья раньше; некоторые из нас, пожалуй даже готовы поклониться государству, как Молоху, но Пушкин в такую крайность не вдался, и тем нам, с нашим опытом, стыднее.

Второй завет Пушкина: будь русским, но не отдели себя от других народов и не бойся, что, перенимая у других хорошее, ты перестанешь быть самим собой. Пушкин, один из первых собирателей народных песен, живо чувствовал в себе „русский дух“, любя русские особенности спокойно и уверенно: его пролог к „Руслану и Людмиле“, его „Русалка“, его сказка о золотой рыбке, сказка о Балде и др. — служат непреложным тому свидетельством.

Мало этого, — Пушкин написал „Клеветникам России“... Защища своего, гордость своим, обидя за свое не должна быть отождествляема с нападением на чужое, не должна — во имя простейшей справедливости. Но Пушкина влек и „великолепный мрак чужого сада“. Характерно его выражение: „краев чужих неопытный любитель“; неопытным он называл себя только в шутку, а на деле был любитель иноземного тонкий и разборчивый. Недаром Достоевский называл Пушкина всечеловеком.

В таком подходе Пушкина к иноземному не было и нет ни малейшей опасности для национальной самобытности. Это не тот, кто бит и уважает

заимствуя и поклоняясь чужому, не уважает себя; как пчела, собирающая цветочный сок отовсюду, перерабатывает его в свой мед, так и Пушкин, подражая и перевоплощаясь, умел оставаться и русским и Пушкиным.

Дальнейший пушкинский завет — завет принятия жизни. Пушкин был хорошо знаком с нашептываниями демона; «шаткой жизнью утомленный», он даже называл ее «даром напрасным и случайным», зная неудачи и утраты, он понимал, как свойственна грусть человеку, в особенности русскому: «от ямщика до первого поэта мы все поем уныло». Но сам он решительно предпочитал мажор минору, и грусть в его душе была просветленной и примиренной: «мне грустно и легко, печаль моя светла»; примирился он и с «равнодушной» к человеку природою, которая будет «красою вечною сиять» у его «гробового входа», а в «неизъяснимом наслаждении», испытываемом смертными людьми перед тем, «что гибелью грозит», прозревал «бессмертья может быть залог» — удивительная мысль, ценное психологическое доказательство личного бессмертия человека, высказанное с трезвою осторожностью лишь в виде сверкнувшей, как искра, догадки.

Говоря о заветах Пушкина, нельзя пройти мимо пушкинского отношения к людям вообще и к женщине в частности.

Столь распространенного у нас недостатка, какой то лихорадочной потребности видеть в излюбленном — иногда всего на несколько дней — человеке чудотворную икону, Пушкин был вполне чужд. Как ни любил он Петра, а все-таки призна-

вал, что у него есть указы, «написанные кнутом»; как ни был удовлетворен блеском царствования Александра I в 1813—1815 г., а все-таки сознавал, что он был «двуязычен». . . Но пороки и ошибки не заслоняли от него заслуг, неудача не была на его оценку виною и падение не заставляло его забывать величия (напр. Наполеон).

Были зорки глаза поэта и справедливо его сердце. В его изображении не было односторонности.

С живою радостью Пушкин отмечал появление даровитых поэтов, не думая о возможном соперничестве; в любви он был способен на просветленное самоотречение (припомните: «как дай вам Бог любимой быть другим», «счастье того, кто милой деве даст название супруги»); падающего он стремится не толкнуть, а поддержать и, во всяком случае, посадить (припомните: «в боренье падший невредим», «убийца был один, изранен, безоружен»). Внутренне понятно поэтому, почему, оглядываясь на свою прошлую деятельность, Пушкин в «Памятнике» ставит себе в заслугу, дающую ему право на бессмертие, то, что он «чувства добрые . . . пробуждал» и «милость к падшим призывал».

Отношение Пушкина к женщине заслуживает особого упоминания. Как, переросши юношеское кощунство и не впад в ханжество или дешевую нравоучительность, он нашел в своей душе простую веру, так, и отойдя от юношеской охоты за женщинами и не впад ни в пресыщенность, ни в цинизм, — он поднялся до высшего почитания женщины.

Поистине, в Пушкине отразилось все, что есть в русской душе

-05

Заветы Пушкина

творчески-созидательного, о шестивенно-ценного, жизненно-положительного, одновременно вдохновенного и трезвого, „взыскующего града вышнего“ и приемлющего быт, уважающего свое и усваивающего ценное чужое. Поэтому прав был Тютчев, говоря, что Пушкина, „как первую любовь, России сердце

не забудет“; надо только, что бы всякая последующая любовь русской общественности была достойна первой, не была изменою ей.

Проф С В Завадский.

(Из сборника „Золчис русской культуры“ (сокращено))

Издание газеты «Путь Жизни»

Цена 3 снт.

„Tähe“ trükk Petseris 1937.

Ответственный редактор

В. Ф. Бухгольц.